

КОНСТАТИРУЮЩИЙ МОДИФИКАТОР В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ И СОСТАВ

П. Б. Кузьменко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 сентября 2016 г.

Аннотация: целью статьи является изучение инвариантных особенностей англоязычных научных текстов. Вводится архиструктурный уровень текстовой организации, формируемый различными конститuentами – констатирующим, аргументирующим и операциональным модификаторами. В работе подробно рассматривается состав и функция констатирующих модификаторов.

Ключевые слова: архиструктурный уровень организации текста, констатирующий модификатор, аргументирующий модификатор, операциональный модификатор.

Abstract: this article focuses on scientific texts in order to define their invariant features. We argue that the latter are revealed on the archistructural level. It is proposed that text archistructure is represented by a number of modifiers: constative, argumentative, and operational. In particular, the characteristic features of constative modifier are discussed.

Key words: text archistructure, constative modifier, argumentative modifier, operational modifier.

Принимая во внимание особенности содержательно-смысловых, функциональных и языковых характеристик научных текстов, современные авторы предлагают разные подходы к их описанию и выделяют разные единицы их анализа.

Так, рассматривая научный текст в рамках когнитивно-дискурсивного подхода [1], С. В. Ракитина в качестве единицы исследования использует «коммуникативно-когнитивный блок», посредством которого получатели текста актуализируют действия автора по реализации своих намерений [2]. Коммуникативно-когнитивный блок формирует все, что предпринято автором для передачи нового знания, полученного автором.

Н. В. Данилевская предлагает иное представление структуры научного текста, связанное с чередованием в нем старого и нового знания [3]. Суть такого подхода состоит в том, что данные типы знания формируют текст: их взаимодействие обеспечивает его динамику. Новое и старое знание получают статус когнитивных единиц научного текста. Это замечание автора особенно важно, так как «старое» и «новое» никак в тексте специально не обозначено и выявляется на когнитивном уровне. Так, автор приходит к понятию познавательной оценки: «выраженное в тексте отношение автора к предмету мысли или какому-либо мыслительному действию; с ее помощью ученый квалифицирует тот или иной компонент знания как определенную ценность, необходимую для формирования и выражения нового знания. Познавательная оценка лежит в основе всякого мысли-

тельного движения, она предшествует рождению соответствующей языковой структуры, предопределяя ее форму и содержание» [3].

Изучая авторефераты диссертаций, Н. А. Ведякова определяет единицей структуры научного текста «коммуникативно-прагматический блок», в котором материализуются коммуникативно-познавательные действия автора. Эта единица, по мнению Н. А. Ведяковой, соотносится с фреймом (модель стереотипной ситуации в сознании автора) [4].

Как видно из работ [2–4], в фокусе исследователей находятся деятельность автора и ее воплощение в тексте. Эта особенность позволяет признать, что невозможно элиминировать создателя научного текста при изучении его смысловой структуры.

Для описания любой текстовой структуры в лингвистике существует ряд понятий, отражающих определенные особенности текста. Наиболее активно используемая в лингвистике текста единица – это сложное синтаксическое целое (далее – ССЦ) или сферхфразовое единство (далее – СФЕ). Отметим, что обе единицы используются недифференцированно, однако И. Я. Чернухина предложила разграничить их на основании способа связи между их составляющими: ССЦ демонстрирует иерархические взаимоотношения между составляющими, а СФЕ образуют предложения одного типа и направления, не проявляющих зависимости друг от друга [5].

Теоретические сведения об ССЦ детально представлены М. Я. Дымарским: главное, что позволяет сложному синтаксическому целому считаться таковым, – «содружество предложений, посвященных одной теме», при этом автор синонимично использу-

ет термины «текст» и «ССЦ» [6], объясняя это необходимостью выделять строевые единицы текста таким образом, чтобы часть проявляла свойства целого [7]. Еще одна важная особенность ССЦ заключается в иерархическом отношении между его составляющими.

Другая единица, выделенная из текста для представления его структуры, – абзац. По замечанию А. М. Ломова, абзац стоит в одном ряду с главой, разделом и т.д. и является по преимуществу композиционной единицей письменной речи [8], тем не менее усматривается его отношение к синтаксису текста из-за его совпадения с ССЦ. Вместе с тем А. М. Ломов уточняет, что абзац может включать в себя несколько ССЦ; также возможна обратная ситуация: представленность нескольких абзацев в рамках одного ССЦ [10], при этом заслуживает внимания замечание И. П. Распопова о нецелесообразности противопоставления ССЦ абзацу вследствие его назначения выделять в тексте предложения, образующие ССЦ [9].

Исследователями зафиксированы такие случаи, в которых абзац представлен всего одним предложением. В этом случае он приобретает дополнительную стилистико-синтаксическую функцию [8]. Подобные образования были квалифицированы М. Я. Дымарским как «свободные высказывания» – одиночные единицы, занимающие самостоятельное положение в текстовом фрагменте [6]. Очевидно, «свободное высказывание» призвано заполнить некоторую промежуточную нишу между ССЦ и текстом, по причине неспособности таких одиночных высказываний сформировать ССЦ.

Основным назначением ССЦ является отделение одной темы/микротемы в тексте от другой; переход от одной темы к другой и есть граница ССЦ, по наблюдениям Н. С. Валгиной [10]. По мнению М. М. Глушко, ССЦ служит для сжатого и информационно насыщенного сообщения мысли [11]. И. С. Папуша при анализе ССЦ выявила у него три функции: номинативную, так как в его зачине названа микротема, которой и посвящено ССЦ; когнитивную, суть которой состоит в отражении авторской идеи, определенным образом выраженной в ССЦ; и коммуникативную, призванную адекватно передавать задуманное содержание [12].

Таким образом, посредством изучения и описания ССЦ могут быть установлены разнообразные аспекты текстообразующей деятельности субъекта.

Абзац, в свою очередь, основное свое назначение обнаруживает в расчленении текста с целью выделения его компонентов для облегчения восприятия текста. Н. С. Валгина предложила три функции абзацного членения – логико-смысловая, экспрессивно-эмоциональная, акцентно-выделительная, которые

часто совмещаются [10]. Как видно из самих названий функций, особенно последних двух, абзацное членение во многом носит довольно субъективный характер. Другими словами, только автор решает, какие фрагменты своего произведения каким образом выделять.

В целом введение понятия ССЦ дало возможность более полно раскрыть смысл предложения в речи, его прагматические особенности, приобретаемые при рассмотрении в контексте [13], а выявление функций абзацного членения текста позволило описать важные компоненты строевой организации текста. В то же время представляется, что данный подход к рассмотрению структурных составляющих текста ограничивает возможности для более детального исследования закономерностей и стратегий порождения научного текста. Изучаемые нами повествовательные стратегии, используемые автором для создания научного текста, не имеют достаточно жесткого плана выражения, для того чтобы быть выделенными в какую-то определенную единицу типа предложения, абзаца и т.д. Таким образом, существующие понятия – ССЦ и абзац, – кратко описанные нами, не помогают исследователю приблизиться к решению этой проблемы хотя бы потому, что выявление повествовательных стратегий требует рассмотрения на уровне менее крупных составляющих.

Взгляд на текст как воплощение авторской деятельности позволяет увидеть механизмы, лежащие в основе развертывания текста.

Авторское повествование в научном тексте в его различных проявлениях требует описания на более глубоком уровне, чем анализ его поверхностной структуры, внешне данной получателю как набор различных структурных единиц. В связи с этим представляется оправданным введение в рассмотрение *архиструктурного* уровня текста, посредством изучения которого возможна экспликация различных сторон авторской деятельности, точнее, встраивание ее результатов в систему знания и выявление связанных с этим процессом механизмов текстообразования.

Соответственно, повествовательные стратегии, не будучи специально маркированными в тексте, лежат в основе архиструктуры текста. Таким образом, архиструктура – это инвариантные особенности текста, не обнаруживаемые на поверхностном уровне и представляющие мыслительную деятельность автора, направленную на формирование текста. Примечательно, что выявление данных характеристик возможно у любых текстов, независимо от темы, характера изложения, стилистического оформления.

В свою очередь, все языковые средства, используемые автором для представления и встраивания собственных результатов в систему существующего знания, можно представить в виде гетерогенных

образований, взаимодействие которых в результате образует научный текст. Так, например, ученому необходимо определить проблемное поле, описать состояние какого-либо вопроса, высказать свое к нему отношение и т.д. Языковые единицы, при помощи которых реализуются используемые автором для этих целей повествовательные стратегии, можно рассматривать в качестве текстовых модификаторов, играющих важную роль в формировании архиструктуры текста.

Модификатор в строгом смысле не проявляет свойств целого текста, но тем не менее любой модификатор, или их совокупность, отражает действия автора, сопряженные с его намерением представить свои исследования в тексте. В свою очередь, такие действия приводят к созданию языкового произведения, отвечающего основным критериям текстuality, среди которых интенциональность и информативность [14].

Выделение архиструктурных модификаторов научного текста, составляющих глубинный уровень его организации, необходимо соотносить с его формальным разделением на части и разделы. Определенные архиструктурные модификаторы, несомненно, тяготеют к определенным разделам. Так, во введении преобладают констатации, в описании метода раскрывается подход к исследованию, т.е. операции с материалом, и т.д. Основная часть текста предполагает новое авторское видение проблемы, встраивание которого в систему знаний связано как с констатациями и оценками уже существующего/возникающего, так и с обеспечением адекватного восприятия результатов познания получателями. Соответственно, названная особенность объясняет присутствие архиструктурных модификаторов во всем тексте и в его основе.

Наблюдения за научными текстами позволяют заключить, что авторская деятельность в них манифестируется в рамках взаимодействия ряда архиструктурных модификаторов: констатирующего, комментирующего (аргументирующего) и операционального. Под первым мы понимаем элементы текста, которые обозначают пусковые механизмы и причины его рождения, связанные с текущим положением дел в конкретной проблемной области. Второй модификатор маркирует аргументативные стратегии автора, отражающие его собственную активную деятельность в данной сфере: новые предложения, критику, оценку и т.д. Последний модификатор указывает на информацию о том, что предпринято автором для встраивания его личных наблюдений в систему знания.

В данной работе мы рассмотрим констатирующий модификатор (далее – КМ) как неотъемлемую часть повествовательной стратегии научного текста и важный маркер его архиструктуры.

Констатации в научном тексте – его существенный конститутивный признак. Исследовательская деятельность всегда осуществляется в рамках сложившегося проблемного поля; для представления своих размышлений и их результатов ученому необходим определенный трамплин. Таким пусковым механизмом в научном тексте, представляющем информацию о проведенном исследовании, является описание состояния проблемы, которую пытается решить автор публикации. Соответственно, используемые в тексте констатирующие модификаторы являются авторскую репрезентацию положения дел, в них сконцентрирована важная, по мнению автора, информация, которая по-разному им интерпретируется: от простого «слепок» действительности до оценок и критики. Например:

1. КМ обнаруживает тенденции, характеризующие положения дел:

The foregoing discussions of the organizational structure of and interactions implicit in gabelle activities document an array of techniques of territorial control (769).

'Eliminativism' is increasingly used in philosophy just to say, of a category of things X, 'X does not exist'.

2. КМ фиксирует определенные закономерные сведения относительно множества каких-либо феноменов:

(1) *Many theories of language are based on a model of interaction which assumes that an utterance is intended to communicate a particular idea.*

(2) *A common feature of all these theories is that they implicitly suggest the presence of an addressee.*

(3) *Models of reading comprehension commonly include the concept of building mental representations of text (16).*

Заслуживает внимания воплощение в тексте этих обобщений. В первых двух примерах автор сообщает сведения, присущие многочисленным явлениям, в третьем – более конкретное уточнение, представление одной из возможных характеристик отдельного явления. В третьем случае обобщение представлено как характеристика многочисленных явлений, а в первых двух оно представлено уже в субъекте предложения и требует раскрытия в предикате.

3. В КМ сообщается об общезначимости каких-то идей: разделение общих точек зрения, наличие дискуссионности и т.д.:

Obviously, everyone – researchers, teachers and learners alike – agrees that a language is learned to express ourselves.

4. В КМ помещено определение чего-либо:

Oral anecdotes are passages of monolingustic narrative.

Haka is a generic term used to describe all Maori dance...

Pragmatic failure is a label that is attached to a wide range of communicative dysfunctions.

Внимательное рассмотрение двух последних примеров выявляет, скорее, не определение явлений, а их предназначение, о чем свидетельствует сообщение об их применении.

Отметим, что в чистом виде определения в статье встречаются редко. Изучаемые феномены, как правило, представлены посредством определенных характеристик, релевантных для статьи. Например, один из разделов начинается так:

Social identity is made up of a configuration of memberships.

5. КМ актуализирует сведения, с точки зрения которых приводятся умозаключения. Например:

From a didactic perspective, non-native speaker is the very situation for which language teachers are preparing their learners.

Scholars dealing with this subject tend to stress the need to base EU language policy on principle.

6. Действия автора могут быть направлены не только на встраивание идей в систему знаний, но и на установление связей исследуемых феноменов со смежными явлениями, формируя фон восприятия.

As well as being viewed differently, semiotic potentials are used differently across cultures (371).

Как видно из приведенных примеров, констатирующий модификатор репрезентируется в тексте посредством самых разных по форме, содержанию и объему языковых единиц – и отдельными лексемами (*commonly*), и словосочетаниями (*from a didactic perspective*), и вводными конструкциями (*obviously*), и полносоставными предложениями, и их сочетанием. Именно разнородный характер этих языковых средств требует особого обозначения маркеров реализации констатирующих модификаторов.

Следует отметить, что в структуре текста научной статьи КМ демонстрируют существенное позиционное разнообразие. Так, КМ может занимать весь абзац:

In October 1938, the News Chronicle announced a 'great new venture' with BIPO to 'discover with accuracy what Britain thinks'⁹. After 'a careful investigation into the aims and methods of the British Institute' the newspaper purchased the exclusive rights to publish the findings of the Gallup Poll in the UK¹⁰. The News Chronicle believed that 'unmuzzled public opinion', gauged by BIPO and reported by the paper, could permanently influence British foreign policy¹¹.

В приведенном примере КМ интересно оформление цитат: для построения целостного текста автор заимствует фрагменты (выделены нами жирным шрифтом) других текстов, при этом выстраивая их в линейную цепь событий (*In October 1938, after*). Автор «сшивает» фрагменты разных произведений для

представления читателю более достоверной и объективной информации с минимумом ее оценивания и/или комментирования.

Констатирующий модификатор может взаимодействовать с другими единицами в случае его расположения перед операциональным и аргументирующим модификаторами, например:

<...> (1) We show how automated content methods can make possible the previously impossible in political science: the systematic analysis of large-scale text collections without massive funding support. (2) Across all subfields of political science, scholars have developed or imported methods that facilitate substantively important inferences about politics from large text collections. (3) We provide a guide to this exciting area of research, identify common misconceptions and errors, and offer guidelines on how to use text methods for social scientific research.

В приведенном выше отрывке КМ представлен в предложении (2). Обращает на себя внимание его расположение между двумя компонентами, принадлежащими модификатору, обеспечивающему вхождение деятельности автора в систему знания, т.е. методологической операции. КМ здесь необходим для установления проблемного поля, наряду с этим он выполняет функцию поддержки автора: указывается на то, что данная сфера активно разрабатывается. Компонент (3) фиксирует предложения автора в этой сфере.

В следующем примере приведен случай, показывающий сложное взаимодействие констатирующего модификатора с аргументирующим, представленным оценкой:

(1) The past century has seen a shift in the historiography of princely rule in late renaissance according to which a model of top-down absolutism has been replaced by a model of negotiated power regulations between rulers and elites. (2) That this shift has had implications for recent work in fiscal history is not surprising, given the long-established connections between the history of politics and the history of taxation.

Во фрагменте (1) представлено положение дел, за ним следует авторская оценка сложившегося процесса.

Следовательно, КМ может быть репрезентирован единицами, меньшими, чем предложение: в данном случае в рамках ситуации, оцениваемой предикатом *is not surprising*.

Как видно из двух последних примеров, кроме формального выделения КМ, наблюдается их растворение в повествовательном потоке.

Таким образом, констатирующий модификатор как элемент научного текста репрезентирует повествовательную стратегию в его архиструктуре. Разнообразие и неоднородность языковых средств, ис-

пользуемых для этой цели, а также закономерности их употребления и роль в процессе текстообразования представляют несомненный исследовательский интерес и требуют дальнейшего изучения и описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цурикова Л. В.* Когнитивно-дискурсивная парадигма как новое направление описания и анализа речемыслительной деятельности / Л. В. Цурикова // Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 76–92.

2. *Ракитина С. В.* Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста : дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Ракитина. – Волгоград, 2007. – 542 с.

3. *Данилевская Н. В.* Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Данилевская. – Пермь, 2006. – 401 с.

4. *Ведякова Н. А.* Стереотипность и вариативность в научном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Ведякова. – Челябинск, 2006. – 24 с.

5. *Чернухина И. Я.* К вопросу о единицах связного текста / И. Я. Чернухина // Лингвистика текста : в 2 ч. – М., 1974. – Ч. 2. – С. 155–158.

6. *Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дымарский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Эдиториал УРСС, 2006. – 328 с.

7. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

8. *Ломов А. М.* Русский синтаксис в алфавитном порядке : понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. – Воронеж, 2004. – 400 с.

9. *Распопов И. П.* Избранные работы по лингвистике / И. П. Распопов. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2005. – 188 с.

10. *Валгина Н. С.* Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.

11. *Глушко М. М.* Язык английской научной прозы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. М. Глушко. – М., 1980. – 33 с.

12. *Папуша И. С.* Сложное синтаксическое целое : структура, семантика, функционирование : дис. ... д-ра филол. наук / И. С. Папуша. – М., 2011. – 401 с.

13. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой ; Институт языкознания АН СССР. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

14. *Beaugrande R.-A. de, Dressler W.* Introduction to text linguistics, L. – N. Y., 1988. – 183 p.

*Воронежский государственный университет
Кузьменко П. Б., аспирант кафедры английской
филологии*

E-mail: p.kuzmenko2012@yandex.ru

Тел.: 8-908-139-32-89

*Voronezh State University
Kuzmenko P. B., Post-graduate Student of English
Philology Department*

E-mail: p.kuzmenko2012@yandex.ru

Tel.: 8-908-139-32-89